

РАЗДЕЛ «ПОЛИТОЛОГИЯ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCE»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ /
POLITICAL IDEOLOGY

Серия «Политология. Религиоведение»

2015. Т. 12. С. 14–25

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 32

**Идеологические и политические интерпретации
неолиберальной парадигмы¹**

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье сделана попытка анализа идеологического дискурса западной либеральной политологической мысли. Силы, стоявшие за спиной победившего в России в начале 1990-х гг. политического класса, рекомендовали введение режима деидеологизации. В качестве квазиидеологии была предложена доктрина «демократизации», якобы не имеющая идеологической составляющей.

На мировой арене на смену доктрине «мировой социалистической революции» пришла другая – «мировой демократической революции». Был взят курс на тотальную модернизацию планеты. В наиболее радикальном виде парадигма модернизации представлена транзитологией.

Одновременно в массовое сознание внедряется парадигма глобализации, легитимирующая культурно-политическую концепцию глобального неолиберализма, провозглашающего универсальность экономических законов миросистемы, что отчасти сближает ее с транзитологией.

Активно пропагандируется концепция «глобального управления», когда при формальном отсутствии верховной мировой власти устанавливаются ясно выраженные цели для человечества в целом, а также происходит наднациональное вмешательство в общественную практику ради этих целей.

В качестве промежуточной фазы создания такого общества предлагается внедрение концепции региональной интеграции, ориентированной на процесс «денационализации», вернее «десуверенизации» (всемирного политического пространства).

Политическая интеграция может иметь и иную конечную цель – организацию политического сообщества, лишённого государственной привязки. Эта цель достигается в процессе коммуникативной интеграции между политическими акторами. При таком понимании государственно-организованный мир выступает лишь в качестве контекста.

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ». Проект P222-МИ-004.

На смену теории модернизации приходит гипотеза многофакторных изменений, осмысляющая двойственный процесс глобализации/локализации национальных пространств политики. Эта гипотеза размывает глобальное политическое пространство на социокультурные осколки, не давая возможности выявления господствующих трендов глобальной политики. Тем самым отрицается важнейшая функция политики – управление и консолидация разнородных социумов.

Ключевые слова: парадигма, наука, идеология, концепция деидеологизации, транзитологическая парадигма, либеральная глобализация, теория глобального управления миропорядком, региональная и коммуникативная интеграция, теория многофакторных изменений.

Данная работа является логическим продолжением статьи «Кризис основных парадигм Модерна» [4, с. 15–29]. При дальнейшем осмыслении рассматриваемой проблемы выявился ряд важных методологических вопросов, которые оказались вне поля изучения, но без которых объективный анализ современного доктринального дискурса вряд ли возможен. Понятно, что и эта статья не исчерпывает всей сложности и многогранности данной проблемы, но в какой-то мере делает произведенный анализ богаче и объективнее.

Концепция деидеологизации

В борьбе Запада и Востока в XX–XXI вв. антисоветским и антирусским силам для победы требовалось выхолостить само содержание советской империи – ее идеологию. Для борьбы с идеологией существует только два эффективных способа. При этом идеология не умирает и не исчезает, но только проигрывает и ждет удобного момента, чтобы вновь овладеть сознанием большинства правящей и интеллектуальной элиты, и стать государственной идеологией.

Речь идет о замене ее на другую, более выгодную для победившего класса, или о введении режима квазиидеологизации и использования механизмов администрирования и политического пиара. В России на рубеже веков либеральная идеология в очередной раз не прижилась, хотя энергично навязывалась. Поэтому силы, стоявшие за спиной победившего в России в начале 1990-х гг. политического класса, рекомендовали введение режима деидеологизации государства и общества. В качестве квазиидеологии была предложена доктрина демократизации, якобы удовлетворяющая интересы всего населения страны и не имеющая при этом никакой идеологической составляющей. Просто демократия и все, причем без особых материальных предпочтений для большинства населения страны, с перспективой жить как на Западе.

Очевидно, однако, что появление интегральной «вненациональной идеологии», снимающей все классовые, социальные, экономические и прочие противоречия, означало бы конец политики как таковой. Идеологии не могут быть надпартийными, объективно отражающими интересы всего общества, народа, нации. Политические интересы – это всегда чьи-то интересы, как бы хорошо они ни маскировались под нужды государства, цивилизации, человечества вообще [8].

Транзитологическая парадигма

Уничтожение России как самостоятельного игрока на политической арене было главной, но не единственной задачей мировой демократической (либеральной) революции. Ее организаторы взяли на вооружение весь арсенал средств и методов поверженного противника. На смену лозунгу «мировой социалистической революции» пришел другой, но аналогичный – «Даешь мировую демократическую революцию!». Для сторонников нелиберальной парадигмы настало время реванша. Был взят курс на тотальную модернизацию планеты.

В наиболее радикальном виде парадигма модернизации представлена транзитологией, исходящей из аксиомы о неизбежном преобразовании любого недемократического общества в демократическое.

Так как большая часть планеты не разделяет либеральных лозунгов и идей, предусматривался небольшой период, на протяжении которого под руководством «демократизаторов» из США предполагалась соответствующая трансформация общества и государства облагоустроенных стран. В настоящее время это можно наблюдать на примере Украины. Эта трансформация и была названа «демократическим транзитом».

В основе того типа Модерна-Современности, к которому апеллирует транзитология, лежит нормативная схема из двух теоретически взаимообусловленных ценностей: рыночно-капиталистической экономики и либеральной демократии. Но данная схема работает только в социокультурной реальности европейской цивилизации. Об этом свидетельствует ее относительно успешное внедрение с использованием различных технологий, проведенное в странах Восточной и Центральной Европы, ранее входивших в советский блок, а также в прибалтийских странах.

Распространение ее вовне обнаруживает несвязанность упомянутых признаков. Весьма показательны в этом плане феномены недемократических, но либерально-капиталистических государств, таких как Сингапур.

Фабула подобного перехода воспроизводит архетипический сюжет о наступлении «золотого века» («конца истории») через достижение всемирного «гражданского» либерально-демократического состояния. В данном случае ценностный политический идеал отождествляется с вполне конкретным политическим устройством западных стран. Соответственно, все внимание теоретиков сосредоточивается на разрыве между должным и действительным.

Рефлексия относительно ценностей и норм политики отпадает за ненужностью, ибо таковые предписаны изначально. Речь идет лишь о технических аспектах, условиях, способах и времени перехода к «золотому веку». Именно такая установка и лежит в основе разнообразных транзитологических моделей – «циклической», «второй попытки», «прерванной демократии», «деколонизации» и т. п. [2, с. 73].

В силу этого при обращении к анализу «чужой» (а значит – «патологической») политической практики транзитологический дискурс приобретает черты мессианства, нетерпимости и дидактизма. Транзитология оформляется в псевдоядерную политическую теорию, опирающуюся на панлогистскую аксиому о наличии неких универсальных норм, которые потенциально могут быть

распространены на любой политической режим, цивилизацию, человечество в целом. Собственно говоря, реализация этого набора норм (демократия, капитализм, права человека, свобода и т. д.) в глобальном масштабе и должна привести к концу истории в ее нынешнем виде, т. е. к окончательному изживанию конфликта партикулярных интересов.

Параллельное развертывание процессов экономической глобализации и культурной фрагментации современного мира ставит под вопрос универсальность и самих классических ценностей, лежащих в основе транзитологической теории. В частности, так называемая глокализация отчетливо демонстрирует историческую и культурную граничность моделей европейского Просвещения и Модерна, которые оказываются универсалиями цивилизационного типа с четкими историческими лимитами релевантности. Столкновения с этой исторической граничностью вне ареала Просвещения подтверждают устойчивость культурных и исторических особенностей различных регионов мира, что, в свою очередь, исключает транзит от «патологий» к единой норме [8].

Поэтому в России эта технология естественным образом не сработала и в конце 1990-х гг. была отброшена пришедшим к власти новым политическим классом. Одной из главных причин кризиса теорий демократического транзита стало то обстоятельство, что в российском политическом дискурсе понятие демократии содержательно разрабатывалось только через противопоставление прошлому, как антипод всего советского, как антикоммунизм [3, с. 100]. В результате демократия так и осталась негативным теоретическим концептом, не приведенным в согласие с новой реальностью.

Впрочем, такое развитие событий было вполне предсказуемым, ибо насаждаемая демократия пришла в Россию не как набор конкретных практик и правил, но именно как утопический проект, который по определению не может быть реализован полностью. Форма этого пришествия была идентична исторической форме пришествия коммунизма, по сути, попытке реализации политической утопии. Но воплотить утопию еще никому не удавалось. Поэтому неудивительно, что, превратившись из утопии в официальную демагогию властной элиты, демократия тут же обрела новых антагонистов в лице ностальгирующих по советскому проекту Модерна [6, с. 14], а также авторов и адептов критических теорий, указывающих на изъяны и неэффективность ортодоксальных демократических идей и институтов в современной России. Негативный дискурс демократии как антикоммунизма, наиболее полно представленный транзитологией, потерпел моральное поражение, перейдя с доминирующих на маргинальные позиции в рамках российской политической науки.

Внедрение транзитологической парадигмы в научное и медийное пространства

Концепт демократизации ориентирован в первую очередь на массовое сознание, которое присуще большинству населения. Для обеспечения его беспроblemного внедрения было необходимо инкорпорировать его в парадигмальный свод научного сообщества и медиабизнеса, заместив там иные типы политического мировоззрения. Подобное замещение было призвано обосновать адекватность представления о возможности разрешения политических конфликтов по-

средством «консенсуса», «плюрализма», выработки «общенациональных интересов», воспитания толерантности, внедрения институтов разделения властей, выборов и т. п. Одновременно большая часть нормативно насыщенных понятий («справедливость», «нация», «права», «патриотизм», «общество», «добродетель», «тирания» и др.), обуславливавших ранее классические идеи политической науки, была вытеснена количественными данными и политическим анализом, которые привнесли такие безжизненные понятия, как «установка», «когниция», «социализация» и «система». Это привело к смещению научных интересов с критических, нормативно значимых вопросов об основах политики к вопросам об эмпирически управляемом и политически полезном [5, с. 109].

Был сформулирован и основной механизм, обеспечивающий реализацию демократического транзита. В публицистике и научной прессе он именуется «цветными революциями», однако в массовое и научное сознание он внедрен как реформирование снизу. Для структуры транзитологической парадигмы ключевой является ценность перехода от разнообразных видов тоталитаризма к демократии как идеальному типу через проведение «реформ». Эта парадигма имеет отчетливый прогрессистский подтекст, причем «золотой век» в ней мыслится предельно приземленно, будучи материализован топологически, как бы это ни скрывалось, в виде нормативности политической реальности постиндустриальных стран.

В транзитологической парадигме рефлексия исследователя минимальна, а исследования носят в основном эмпирико-прикладной характер, заключаясь в приложении универсальной теории к изучаемой социокультурной реальности и одностороннем тенденциозном отборе фактов, дабы результат применения теории подтвердил ее универсальную значимость [8].

Парадигма либеральной глобализации

Теоретики и практики мировой демократической революции используют в качестве обоснования правильности своей доктрины и повышения ее практической эффективности процессы, реально существующие в глобальном социально-экономическом пространстве. Среди них – процессы глобализации, включающие в себя непрерывный обмен идеями и универсализацию норм поведения людей, стандартов, технологий и товаров. Поэтому кроме топорной доктрины демократического транзита разрабатываются и пропагандируются другие, менее одиозные, специфично интерпретирующие реально развивающиеся мировые процессы, например концепция либеральной глобализации. Ее основная аксиома гласит, что в XXI в. социально-политическая реальность уже не может быть адекватно описана языком «великих идеологий и утопий». Парадигма глобализации однозначно легитимирует культурно-политическую концепцию глобального нелиберализма, невосприимчивого к социокультурным различиям современных обществ и провозглашающего универсальность экономических законов миросистемы, что отчасти сближает ее с транзитологией.

Вместе с тем, в отличие от последней, она наносит удар по национальному государству как основному политическому субъекту современного мироустройства. В сегодняшней политической реальности нации – это звено, которое соединяет все более расходящиеся политические уровни глобального и ло-

кального. Отсюда логически вытекает отрицание значимости национально-государственной специфики политики и нации-государства как ключевого участника политического процесса.

Глобализм, претендующий на универсальное измерение политического, по своим результатам оказывается парадоксально локализирующим. В связке «человек – нация – человечество», соответствующей связке «гражданин – государство – глобальность (транснационализм)», глобализация выбивает среднее звено – нацию-государство, на которой строился универсализм Просвещения и Модерна. Это оборачивается делегитимацией исторической эпистемы Просвещения через концепции «конца истории», постструктурализм, деконструкцию и языковые игры.

Налицо элементарное передергивание и подмена всеобщего частным. Столь естественное для Европы слияние нации и государства для политической карты мира вовсе не универсально и не естественно. Преходящий характер данного тождества осложняет перспективы нации-государства как доминирующей политической формы и главного субъекта международной политики. Очевидно, что итоговый вывод в споре между глобалистами и антиглобалистами относительно позитивных и негативных эффектов глобализации зависит от того, на базе каких социально-политических процессов делается акцент, на чьем опыте – «первого», «второго» или «третьего» мира – исчисляются издержки и выгоды глобализации.

Поэтому все больше исследователей осознают необходимость отказа от односторонности, когда практикуются лишь фундаментальные глобальные решения по принципу «или-или», которые либо превратят либеральные ценности в реальные и доступные всем права, либо приведут к разочарованию и отказу от этих принципов в виде расизма, иерархии мировых политий, деления людей на «цивилизованных» и «варваров» [8].

При этом даже единая Европа демонстрирует наличие ранее не предсказанного явления – регионализацию континента. Формируется иная управленческая система. Наднациональные законодательные и исполнительные структуры Евросоюза напрямую, минуя национальные структуры, выходят на регионы. Для региональных властей это удобный инструмент давления на правительства своих государств. На новом историческом витке развития европейской цивилизации мы видим аналогию со средневековой Европой, когда параллельно существовали власть монарха и власть папы. Эта модель была разрушена в результате кровопролитной столетней войны и создания Вестфальской системы международных отношений.

Наряду с этим неолиберализм ассоциирует политическую власть главным образом с публичной сферой. В результате затушевывается политическая значимость экономической власти, находящейся в частных руках. Разделение на частную и публичную сферы в сочетании с государствоцентричным анализом ведет к игнорированию или недооценке политического влияния транснациональных корпораций. Ограничивая власть исключительно публичной сферой, либеральные теоретики сужают фокус политического дискурса: он охватывает только государства в их территориальных границах. Игнорируя внутренние

негосударственные процессы, аналитики при этом упускают из виду транснациональные влияния.

Глобализация существенно ограничивает способность государств самостоятельно влиять на экономические, финансовые и экологические процессы, которые оказывают непосредственное воздействие на сами эти государства и их общества, невзирая на территориальные границы. Ни одно государство мира не способно самостоятельно бороться с международной преступностью, с распространением болезней или техногенными изменениями климата. Радикальные приверженцы теорий глобализации даже полагают, будто государственные границы и территориальное деление мира в данной связи вообще утратили практическое значение, а государственность постепенно «истончается», слабея перед лицом наступления «мирового правительства» [11].

Процессы глобализации стары как мир, они в меньшей степени зависят от политических процессов, чем от развития техники, торговли, демографии и т. п. Поэтому использование ее результатов и последствий – обычная политическая практика. И здесь теоретики и практики неолиберализма традиционны в своих устремлениях. В человеческой истории многочисленны попытки строительства мира на базе локальных этноконфессиональных и ментальных оснований, но все предшествовавшие современности эксперименты кончались крахом. С серьезными проблемами сталкивается сегодня и американский истеблишмент, пытаясь создать мировую неолиберальную империю.

Теория глобального управления миропорядком

Процесс глобализации, как его понимают идеологи западного атлантизма, вовсе не предполагает организации на планете однородного либерально-демократического содружества, в котором бы западные демократии были равными среди многих. Их целью является создание такой системы глобального управления, где бы США и их ближайшие союзники играли бы роль «первой скрипки», не неся при этом никакой ответственности за издержки данной структуры мировой цивилизации. Согласно идеям, высказываемым пропагандистами такого миропорядка, глобальное управление представляет собой политический процесс, в ходе которого, при формальном отсутствии верховной мировой власти, устанавливаются ясно выраженные цели для человечества в целом, а также происходит наднациональное вмешательство в общественную практику ради достижения этих целей.

Для обеспечения эффективного функционирования данной системы соответствующие решения должны восприниматься в качестве легитимных большинством тех, кого они затрагивают, или, по крайней мере, его наиболее влиятельными частями. Однако эти решения принимаются к действию в отношении всех людей, включая и тех, кто с ними не согласен. Агентами глобального управления выступают правительства, международные организации, неправительственные объединения, транснациональные корпорации, различного вида сообщества и даже отдельные лица, располагающие необходимыми для этого ресурсами [11].

Концепции региональной и коммуникативной интеграции

Создание такой системы – процесс долгий, сложный и затратный, по делу даже не в этом, он невозможен как линейный и повсеместный. Поэтому его теоретиками понимается необходимость наличия неких промежуточных стадий и регионально организованных площадок. Совокупность представлений и рекомендаций по такого типа промежуточным формам и стадиям составляет сердцевину концепций региональной и коммуникативной интеграций. В качестве доказательства теоретической корректности и практической применимости данной концепции приводится пример единой Европы.

Интеграция по типу Европейского союза в данной связи предлагается как форма и способ региональной реакции на глобальные вызовы, а вовлечение – как метод распространения транснационального управления путем расширения круга его субъектов и объектов. В свою очередь, на основании европейской политической практики можно судить о характере трансформации государства как основного института современного мироустройства. Поэтому изучение системы управления в Европейском союзе и его связей с сопредельными странами и международными структурами позволяет не только лучше понимать ход перспективных глобальных процессов, оно также демонстрирует, что речь идет не просто о технократической оптимизации политики, но и о том, какой именно политический порядок является целесообразным на современном этапе мировой истории.

Региональная интеграция способствует глобализации в том смысле и в той мере, в которых последнюю можно понимать как процесс денационализации, точнее десуверенизации (в индивидуально-государственном смысле) всемирного политического пространства [11].

Однако политическая интеграция может иметь и иную конечную цель – организацию политического сообщества, лишённого государственной привязки. Эта цель достигается в процессе коммуникативной интеграции между политическими действующими лицами. При таком понимании государственно-организованный мир выступает лишь в качестве контекста.

Коммуникативная интеграция – это интеграция, участники которой объединены общей культурой, формальными и неформальными нормами, обычаями, нравами и ценностями. Приверженность им образует единство, составляет отличительную особенность всех принадлежащих к нему, обеспечивая повышенный уровень доверия и взаимопонимания между всеми, кто ощущает и признает свое единство с данным целым [10, с. 538–539]. При интерпретации оснований коммуникативной интеграции приоритетным оказывается идентификация наличия общей цивилизационной общности в пределах интегрирующегося пространства. «Цивилизационная общность не тождественна ни религиозно-конфессиональным, ни культурным, ни этническим, ни расовым, ни языковым факторам» [9, с. 57].

Участники подобного политического сообщества объединены в первую очередь не территорией или государством, а общей культурой, формальными и неформальными нормами, обычаями, нравами и ценностями. Приверженность им и образует искомое единство, составляет отличительную особенность всех

принадлежащих к нему, обеспечивая повышенный уровень доверия и взаимопонимания между всеми, кто ощущает и признает свою сопринадлежность такому целому [1, с. 113; 11]. Здесь мы видим вариации космополитических теорий, провозглашавших свободу индивида от государственных институтов и живущих в особом глобальном пространстве личной свободы и самостоятельного выбора обязательств.

Распространение и воспроизведение политической культуры подобного сообщества может происходить различными способами, однако наиболее эффективным среди специалистов считается вовлечение. Данный способ подразумевает, что действующие лица интеграции непосредственно встраиваются в институциональный процесс обучения интеграционному поведению. Благодаря этому происходит их адаптация к условиям интеграции и приобщение к выработке и корректировке политической культуры сообщества в целом [7, с. 52–53]. Такой способ соответствует пониманию «вовлеченного участия» у М. Хайдеггера, для которого мир индивида оформлен его образом жизни, погружением в культуру [12, с. 310].

О транснационализации в политическом смысле можно говорить тогда, когда национальные государства, сохраняя существенное политическое влияние, утрачивают, тем не менее, монополию на международное представительство интересов собственных граждан, вступающих ради достижения своих целей в транснациональные связи и сообщества. Транснационализация обусловлена возникновением достаточно влиятельных наднациональных институтов, имеющих собственную, автономную сферу полномочий, прямого доступа к которой отдельные государства не имеют. На практике это условие пока реализовано только в рамках Европейского союза. Однако и в этом случае речь опять-таки может идти о транснационализации региональной, а не глобальной.

В рамках традиционной либерально-рационалистической логики принято считать, что любой актор, будь то человек или государство, заботится прежде всего о максимизации собственной выгоды. При этом имеется в виду, что субъект политического действия ограничен в проявлениях эгоизма главным образом соображениями заботы о собственной безопасности. Поэтому ответственная политика возможна только в относительно безопасных для проживания граждан государствах, внутри которых существует сообщество, выступающее своего рода «моральным гарантом» этой безопасности. Вне границ государства стандарты «правильного» поведения, которые приняты «его» обществом для регулирования поведения «своих» граждан, априори не обеспечиваются [11].

Теория многофакторных изменений

Теорию развития (модернизации) постепенно вытесняет теория (гипотеза) многофакторных изменений, осмысляющая двойственный процесс глобализации/локализации национальных пространств политики. Если глобализация связана с универсальными политическими процессами, то локализация – с актуализацией уникального, особенного. Поэтому теория многофакторных изменений крайне осторожна в выписке единообразных рецептов. Будучи весьма консервативной и прагматичной, эта теория ориентирована не на реализацию по-

литических идеалов, а на осмысление традиции и тех альтернатив развития, которые формируются внутри самого общества [8].

Эта гипотеза размывает глобальное политическое пространство на социокультурные осколки, противодействуя выявлению господствующих трендов глобальной политики. Тем самым отрицается одна из важнейших функций политики – управления и консолидации разнородных социумов. Здесь мы видим попытку другим способом понизить роль и статус национальных государств, преимущественно объединяющих случайным образом вовлеченных в их структуру этноконфессиональные социумы. Тем самым ставится под сомнение эффективность и необходимость существования государств в условиях постиндустриального политического процесса.

При этом в качестве принципиальных уникальностей называются различные феномены, произвольно определяемые исследователем. Это могут быть этнические, религиозные, исторические, географические и иные параметры. Вместе с тем мы исходим из тезиса о том, что уникальность каждой личности, как правило, не является препятствием или основанием для единства политических взглядов и мировоззрений. Сторонники гипотезы многофакторных изменений, выводя на первый план хотя и важные, но с политической точки зрения вторичные характеристики, затрудняют или даже делают невозможным анализ и рассмотрение фундаментальных политических факторов и оснований.

Подобный исследовательский и/или политический подход активно используется с целью уничтожения существующей политической реальности в интересах правящего класса. Наглядным свидетельством этого является современная Украина, руководство которой через педалирование реальных, а чаще мифологических или даже вымышленных особенностей культуры некоторых районов страны пытается заменить постсоветскую и пророссийскую политическую ментальность населения на европейскую и антироссийскую.

Продолжение следует.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Модернизационные аспекты вероисповедной политики стран Северо-восточной Азии XX–XXI в. Часть 1 / И. А. Арзуманов, А. В. Юрковский // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2012. – № 2(9), ч. 1. – С. 106–114.
2. Гуторов В. А. Современная российская идеология как система и политическая реальность. Методологические аспекты / В. А. Гуторов // Полис. – 2001. – № 3. – С. 72–82.
3. Зуляр Р. Ю. Основные институты государственной молодежной политики / Р. Ю. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2012. – № 2(9), ч. 1. – С. 96–105.
4. Зуляр Ю. А. Кризис основных парадигм Модерна / Ю. А. Зуляр // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 11. – С. 15–29.
5. Кабаченко А. Л. Политический процесс и политическая система: источники саморазвития / А. Л. Кабаченко // Вестн. МГУ. Сер. 12, Полит. науки. – 2001. – № 3. – С. 102–119.
6. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2005. – 528 с.

7. Колер-Кох Б. Эволюция и преобразование европейского управления: [Европа: новые реалии] / Б. Колер-Кох // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2001. – № 7. – С. 44–55.

8. Мартьянов В. Парадигмы российской политологии [Электронный ресурс] / Виктор Мартьянов // *Политическое образование: информ.-аналит. журн.* – 29.06.2009. – URL: <http://www.lawinrussia.ru/paradigmy-rossiiskoi-politologii> (дата обращения: 03.12.2014).

9. Окара А. В окрестностях нового Константинополя / А. Окара [Okara A. Svobodnaya mysl'] // *Свободная мысль*. – 2012. – С. 56–62.

10. Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. А. Д. Богатуров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 592 с.

11. Стрежнева М. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления [Электронный ресурс] / Марина Стрежнева // *Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики*. – URL: <http://www.intertrends.ru/seventh/002.htm> (дата обращения: 15.02.2015).

12. Тэйлор Ч. Вовлеченное участие и фон у Хайдеггера / Ч. Тэйлор // Мартин Хайдеггер: сб. ст. / сост. Д. Ю. Дорофеев. – СПб.: Изд. РХГИ, 2004. – С. 302–322.

Ideological and Political Interpretation of Neo-Liberal Paradigm

Yu. A. Zulyar

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article presents the analysis of ideological discourse of Western liberal political thought. Actors behind the political class that came to power in the early 1990s were in favor of de-ideologization. “Democratization” doctrine thought to have no ideological component was suggested as quasi-ideology.

In the international scene “world social revolution” doctrine gave way to “world democratic revolution”. Global modernization course was taken up. In the most radical aspect modernization paradigm is presented by transitology.

At the same time globalization paradigm is driven home, legitimizing cultural and political concept of global liberalism that proclaims universality of microsystem economy principles, which partly aligns it with transitology.

“Global governance” concept is actively promoted, with no global master power being formally present, clearly stated universal goals are defined. And supra-national interference into public policy takes place to achieve these goals.

As an intermediary phase in creating such kind of society introducing a concept of regional integration oriented on “de-nationalization” (more truly “de-sovereignization”) of political space is suggested.

Political integration may have another long-run objective, which is creating political society lacking state reference. This goal is achieved through communication integration of political actors. In this context state-oriented world is a mere content.

The theory of modernization gives way to the hypothesis of multi-factor changes, rationalizing Janus-faced process of globalization/localization of national fields of politics. The hypothesis blurs global political space, making it socially and culturally fragmented, and giving no possibility to reveal predominant tendency in global politics. Thus primary function of politics, that of governing and consolidating heterogeneous societies, is denied.

Keywords: paradigm, science, ideology, de-ideologization concept, transitology paradigm, liberal globalization, theory of “world order global governing”, region and communication integration, theory of multi-factor changes.

Зуляр Юрий Анатольевич

*доктор исторических наук, профессор,
декан, исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1–410 б
тел.: 8(3952)334372
e-mail: uzulyar@yandex.ru*

Zulyar Yuriy Anatolievich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Dean, Faculty of History
Irkutsk State University
1–410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)334372
e-mail: uzulyar@yandex.ru*